

Гулливвер с гоголевским носом

*Поэт, прозаик, эссеист, критик, издатель, путешественник **Вадим Месяц** –*

о географии перевода, американском Лермонтове и незнакомом лирическом герое

– Изданный в «Гулливвере» роман Александры Николаенко «Убить Бобрыкина» стал победителем «Русского Букера-2017». Многих этот выбор не устроил, вплоть до скандала.

Вадим Месяц: Жюри хотело выйти за пределы «джентльменского набора», вырваться из круговой поруки авторитетов. Не знаю, насколько это им удалось, но я их выбор понимаю. У нас в словесности давно не было хорошо организованного «потока сознания».

Небольшие издательства готовы брать на себя большую ответственность, чем коммерческие. «Гулливвер» невзначай влез в их игрища и незамедлительно из них вышел. История с «Букером» моментально превратилась в литературу. Автор, став знаменитой, за один вечер преобразилась до неузнаваемости, а изданная нами книга стала гулять по Москве и презентовать себя без всяческих упоминаний о «Гулливвере». Прямо как гоголевский нос. Обожаю такие сюжеты.

– Что готовишь новое?

Вадим Месяц: Мы немного охладели к поэзии и обратились к короткому рассказу. В сущности, у короткого рассказа та же душа, что и у стихотворения. Провели премию Flash Story,

которую придумали с писателем Лерой Манович, и в этом году запустим опять.

Пишите короткие, пронзительные истории не больше 5 страниц. Два года выходит наш сетевой журнал «Текст-экспресс», по материалам которого неплохо бы сделать антологию. Старый «Гвидеон» в ближайшее время должен начать новую жизнь в очередном своем перевоплощении. Несмотря на нынешнюю прозоцентричность, поэзию продолжаю издавать. Особенно отметил бы серию «География перевода», которую ведет Сергей Морейно. Мы делали поляков, прибалтов, немцев, швейцарцев, итальянцев. В прошлом году вышла книжка культовой поэтессы из Нью-Йорка – Айлин Майлз, не говоря уже о Чеславе Милоше. Я рад, что редактор этой серии Сергей Морейно вошел в финал премии «Мастер» гильдии художественного перевода.

– Когда-то ты говорил, что поэзия должна быть как у странствующих трубадуров. Ты по-прежнему так считаешь?

Вадим Месяц: Нет, отпустило. Но десять лет, проведенных с северным буддой Хельвигом и его небесной Норумбегой, пошли мне на пользу. Мне хотелось ввести в культуру не античный корень с его Одиссеями и Афродитами, а варварский. Луан, Аэд, Илиах, Эохайд, Айслинге, Гуйстине, Култ, Куйлтен, Мафат, Иермафат, Гойске. Главная задача любого автора – преодоление литературщины. У меня вышла книжка «Мифы о Хельвиге», куда я побросал обломки своего эпоса и радостно вернулся к нормальной жизни. Изменчивость интереснее, чем упертость. Выживает только гибкое.

Именно поэтому поэт в том виде, в котором он ныне существует как антропологический тип, вряд ли заслуживает внимания. В нынешнем виде это существо инфантильное, эгоистичное, несамостоятельное. Низшая каста в литературе. Одухотворенный инфантилизм имеет место и в прозе, но в поэзии наиболее нагляден. Я занимаюсь так называемым культуртрегерством с 1993 года. На мизантропию третьего уровня право имею. Если ты занимаешься четверть века удовлетворением амбиций поэтов,

поощряешь литературное бесстыдство современников в Америке и в России, то возникает резонный вопрос: зачем ты это делаешь? Я до поры до времени не знал ответа, пока не врубился, что интуитивно копил материал, чтобы выдать веселый донос в духе Ильфа и Петрова обо всех, с кем довелось общаться. Причем написать не мемуары, а авантюрный роман. Бродский, Неизвестный, Горбаневская, Курехин, Пригов, Елена Шварц, Аркадий Драгомощенко, не говоря о персонах второго порядка. Я вполне могу заселить портретами полотно Глазунова или обложку «Сержанта Пеппера».

– Какие имена в поэзии сегодня значимы? Воденников, например, большой поэт? Есть сегодня фигуры равные, скажем, Парщикову и Рыжему?

Вадим Месяц: Рыжий мне нравится. В эпоху «приговщины» попереть со стихами в духе Слуцкого – это поступок. Взял и поднял советскую традицию, умница! Странно, что мы не пересеклись в Екатеринбурге. Когда он начинал, я уже уехал в Штаты. Когда вернулся – он уже ушел из жизни. Воденникову присущи импозантность и артистизм, что выгодно отличают его от других поэтов. Глядя на него, можно подумать, что он из себя нечто представляет, что уже есть свойство таланта. А Парщикову по масштабности замысла его воплощению равен (если не превзошел) – Андрей Тавров. Если бы его «Проект Данте» или «Плач по Уильяму Блейку» появились в советские годы или немного позже, литературный ландшафт был бы сейчас другим.

– Прозу продолжаешь писать?

Вадим Месяц: Я и поэзию продолжаю писать. У меня вышли сборники «Имперский романсеро», «Мифы о Хельвиге», «Тщетный завтрак», «Стихи четырнадцатого года». Сказка для детей «О Теме и Варе на воздушном шаре». Толстые книжки в твердом переплете. Сейчас закончил книгу верлибров и забавный проект «Сто сонетов к Леруа Мерлен». В «Эксмо» вышла книжка коротких историй про сибирскую юность и американскую молодость «Стриптиз на 115-й дороге». Ее зачем-то сравнили

с Довлатовым и Генри Миллером, что мило, но мимо. Мне эта книжка нравится потому, что там выведен незнакомый нашей прозе лирический герой. Совсем не советский, не довлатовский. Которому одинаково хорошо и в России, и в США. Ну и стилистика вряд ли укладывается в отечественную традицию. Мне американская проза нравится больше русской. Тут и Джон Дос Пассос, и Хемингуэй, и Том Роббинс, и Чак Паланик. Без душевных мук и метаний, к которым мы привыкли. Скоро должен появиться мой роман «Искушение архангела Гройса». Это – гоголевщина, магический реализм на белорусском материале. В общем жизнь кипит и рождает новые свои формы. Сборник рассказов «Дириндл» готов, к примеру. Короче я апологет американской прозы, если считать ее лучшим представителем Михаила Лермонтова. Шутка.

Павел Басинский

